

УДК 81'272

Поэтика деконструкции идеала: правда и праведность в «наивных» поэтических текстах эпохи Перестройки^{*}

Е. Г. Боярских

*Центр независимых социальных исследований и образования,
г. Иркутск*

Статья посвящена анализу читательских писем, адресованных в редакции газет и журналов в конце 1980 – начале 1990-х гг. XX в. В эпоху перестройки, в ситуации распада общего представления об истории России форма поэтического высказывания оказывается востребована как способ конструирования «общей правды», оценки и переоценки советской истории в целом. В «наивных» стихах таким способом является примерка на себя риторической фигуры праведника, которая дает возможность говорить со значимыми фигурами на равных, выходить в «большое» время и пространство и становиться не объектом правды, а ее субъектом, не объектом власти, а ее субъектом.

Ключевые слова: перестройка, дискурс, «наивное письмо», «наивная поэзия», советская риторика.

Исследование осуществлялось на материале архивов Центра независимых социальных исследований и образования (г. Иркутск), включающих в себя письма читателей газет и журналов, адресованные в редакции и написанные в конце 1980 – начале 1990-х гг. XX в. Ядром этого материала стали 66 стихотворных текстов, созданных непрофессиональными авторами. Географически это жители всей страны – Иркутска, Ленинграда, Целиноградской области, забайкальских и прибайкальских деревень и т. д. «Наивное письмо» обычно соотносят с малообразованными авторами, однако здесь это не всегда так: стихи человека с высшим образованием, тем не менее, могут быть оценены как «наивная поэзия».

Как работает сознание авторов непрофессиональных стихов в ситуации отсутствия общей «правды» – и зачем в этой ситуации они обращаются к литературной форме? Помимо существенной роли литературы и особой значимости фигур известных поэтов и писателей, форма поэтического высказывания оказывается востребована не только как носитель оценок, данных «из-

^{*} Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.В37.21.0258.

бранными» – известными авторами, но и как способ самому производить оценку истории государства и исторических деятелей. Как и зачем производятся эти тексты?

...И чтоб отчизну защитить,
 Должны программу ускорения
 Быстрее мы осуществить.
 Поэтому всех вас я призываю
 Как бабушка, как женщина, как мать
 За мир! За дружбу! Ускорение!
 Всем честным людям голос свой поднять!

*

Партия Ленина
 Мощью народной
 Вырвала с корнем
 Коронную власть.
 (...)
 Страна поднималась
 в упорном труде
 и счастье народное
 венчалось везде.

*

...Помчались по Стране, как саранча степная,
 Проводники идей, одетые в мундир,
 Сгребали, выгоняли, принуждали, били...

И создали «Карлаг» – крупнейший «сартир» (орфография и пунктуация оригинала сохранены во всех цитатах из писем. – *Прим. авт.*).

Ирина Сандомирская, говоря о «наивном письме», отмечает, что авторы «не изобретают ничего нового», нет проявленной в тексте индивидуальности, уникальности, нет и стремления к ней. Это тексты, могущие вызвать эстетическое отрицание: «Просвещенный читатель, профессионал пера, отвечал если не агрессией, то характерным смешком» [4]. Подобная реакция запечатлена и в архивных материалах: в пометке на полях письма с текстом «Кто это? Что это?», в отказах в публикации («Автору неоднократно отвечали. Стихи не представляют никакого художественного интереса») и в комментарии одного из собирателей архива, исключившего несколько текстов, заменив их комментарием «Неинтересно» (естественно, это была оценка текста именно как стихотворения).

Однако на фоне остальных писем, составляющих архивный фонд, закономерность присутствия этих текстов в общем массиве текстов, отражающих активное противоборство взглядов на советскую историю, выглядит закономерным. Письма читателей в редакции газет и журналов так или иначе тяготеют к одному из двух полюсов – обнародованию личной истории, собственной биографии либо к конструированию «общей правды», оценке и пере-

оценке советской истории в целом. «Наивные» стихи предельно риторичны, и их риторика содержательно и стилистически мало отличается от перестроечной публицистики. Можно предположить, что они нужны не столько для того, чтобы создать высказывание, сколько для того, чтобы вызвать к существованию фигуру поэта, именно ради нее они и создаются, к ней и «прилагаются»: «Вы предложили свободный микрофон. Я написал вам, я не лгал но и вы не вычеркивайте из моего письма ни строчки, лудше выбросите в корзину и забудьте. Не через “Юность” так по другому пути, пусть этот путь будет стоять несколько лет жизни. Пусть!!! Не я так другой будет поднимать молодежь. Но он будет такой же как я. Я не ищю выгоды от большого ума еще никто не был счастлив».

В письмах, содержащих поэтические тексты, практически отсутствуют заявления о таланте, не признанном критиками и читателем. Роль личности минимизирована, «качество» стихов неважно, возможность стать известным не упоминается. Литературная жизнь, литературная критика, читательское признание, часто бывающие важными для непрофессиональных авторов «наивной» литературы, здесь не обсуждаются. Что же обсуждается?

Несколько раз обсуждается современность стихов (в одном случае стихи присланы с принципиально важной в контексте датировкой, которая, по мнению автора, должна была обеспечить его текстам если не публикацию, то особенное к ним уважение, поскольку тексты датированы началом 80-х гг., т. е. ставили благополучие автора под угрозу; при этом он сообщает, что не показывал их «даже жене» – таким образом, заслугой своей считает именно факт написания текстов до того, как это же содержание начало обсуждаться публично); естественно, даты могли быть проставлены и постфактум, но, так или иначе, особая значимость датировки, «опережения времени» здесь очевидна.

Неактуальность эстетического в том восприятии поэзии, которое отражено в «наивных» текстах, приводит нас к некоторому предварительному пониманию сути «наивного» поэтического высказывания: оно находится вне литературы, ставит внеэстетические задачи, поскольку и автор его находится вне литературы, не в силах свободно говорить на ее языке, не преследует, по сути, цели написать «хороший», «качественный» или «прекрасный» текст.

Что еще, кроме «современности» стихов как аргумента в пользу отраженной в них позиции, важно для их авторов? Интересно их отношение к анонимности и псевдонимности. В противовес невозможности анонимности в письмах о личной истории (списки, имена, подробности), здесь анонимность принципиально возможна, однако редка, поскольку требует эрудиции. Интересны выбираемые псевдонимы – «начинающий поэт Бальмонт-Дубельской», «Диоген Московский». За псевдонимами стоят обобщенные фигуры поэта и философа. Когда читатель журнала «Юность» из города Гороховец пишет «не я, так другой будет поднимать молодежь», власть над молодежью, как и сама молодежь – это, конечно, абстракция. Эта власть – свойство, приписываемое любому поэту. В ситуации отсутствия общей «правды» (под правдой в данном случае следует понимать общую концепцию исторического прошлого Советского Союза) «наивные» письма отвечают на это ее, правды,

персонификацией – воплощением в авторе. Поиск авторитета может быть обращен в прошлое (Ленин, Сталин), «наверх» (Горбачев, Сахаров) или, как в части интересующих нас текстов, на позицию авторитетной фигуры можно поставить себя. Эту тактику мы и называем персонификацией правды.

Правда как основная тема и основная проблема писем в газеты, на радио и телевидение неоднократно названа, обозначена в письмах другого рода, в «наивных» стихах она не столько «называется», сколько «призывается». Эта разновидность стихотворчества – один из способов поиска правды, однако имеется в виду не индивидуальный путь к индивидуально понятой и достигнутой истине, а скорее попытка присоединиться к общей правде, возглавив ее поиск за счет принятия роли ее глашатая (т. е. буквально «поиска» правды в «наивных» текстах как раз нет). Проясняет этот механизм и создает ему яркую параллель, а в чем-то и оппозицию, дневник 1986–1992 гг., который автор данной работы исследовал в 2008 г. [3]. Автор дневника анонимен, и его личная история для него настолько второстепенна по сравнению с «общей правдой», что немногочисленные заметки о бытовой стороне жизни он выносит на обложку, пишет их другим, более небрежным почерком, сокращает до предела. Он ставит себе задачу – осмыслить историю страны, создав книгу, которая вберет в себя итог его размышлений. В данном случае гораздо более индивидуализированное и, так сказать, индивидуально-биографически воплощенное стремление стать воплощением и источником правды привело автора дневника к отшельничеству. В исследуемых письмах присутствуют менее радикальные, однако родственные по духу варианты поиска правды, которые заключаются в «примерке» на себя образа праведника.

Фигура праведника, как было сказано выше, может быть найдена вовне, и при этом вполне может воплотиться в известном поэте (отсюда – заимствования и цитаты в письмах как способ апелляции к авторитету: «Россия вспрянет ото сна», «Тараканьи смеются усища»), в перечнях русских писателей и поэтов, становящихся синонимом родины («Пушкин, Лермонтов, Некрасов»), и, еще ярче, в таком приеме, как символическое воскрешение автора (в нашем материале – Некрасова и Виктора Гюго), чтобы тот увидел теперешнее состояние страны, осудил и оправдал. С этой же целью «воскрешают» авторы писем не только поэтов и писателей, но и Павку Корчагина, Ленина, Христа. Однако для того, чтобы текстуально воскресить, к примеру, Некрасова, нужно быть в состоянии это сделать. Те, кто не может выстроить такую конструкцию, подставляют на место праведника себя. «Личное» в этом случае – единственный доступ к «общественному». Ведя себя как поэт, т. е. рифмуя, самим фактом наличия поэтической формы авторы «наивных» стихов как бы создают правоту. Рифмовка и набор клише работают – создают эффект правды. Поэтическая форма, в сознании авторов этих текстов являющаяся производным от фигуры поэта, тоже становится «праведна» и «правдива».

Значимость фактов, роль памяти в письмах о личной истории, весомость аргументации и полемические способности пишущего в дискуссионных, публицистических письмах-репликах и письмах-откликах замещаются на более доступные авторам «наивных» стихов механизмы называния, простого перечисления клише:

У экономики есть стержень –
 – индивидуализм...
 Который напрочь отрицает ленинизм.
 У ленинизма «стержень»
 Коллективизм – с которым
 В разногласии капитализм...

Набор клише тоже работает – не эстетически, а дискурсивно. Постоянно повторяющиеся образы «большого» времени и огромного пространства (поэт в пространстве текста часто летает, видит мир сверху, а страна плывет, как огромный корабль), обращение ко всем людям, призывы к «миру во всем мире» выводят автора за рамки собственной судьбы, собственного страха и горя, превращая говорящего из объекта правды в ее субъект: он уже не воспринимает правду извне, он сам ее производит. Кстати, авторское «я» в текстах легко заменяется на обобщенные образы – это Земля, Байкал и даже Светлана Савицкая, поющая из космоса песню всей земле. Монолог такого сконструированного персонажа обращен к обобщенному собеседнику (всему миру, всем людям).

Диалог в «наивных» поэтических текстах, ставших материалом исследования, своеобразен. Попасть в позицию поэта означает стать субъектом значимого говорения. Эта обретенная субъектность ведет к ощущению «громкости», значимости высказывания. Отсюда – просьба к редакции ознакомить с письмом того или иного известного человека, обращение на равных к Евгению Евтушенко, посвящения Горбачеву, Некрасову, Черненко, осуждение и апология академика Сахарова. Фигура поэта обеспечивает полномочия свидетеля и судьи, и слово приговора в этой логике уже является наказанием. Объект власти становится субъектом власти, и на месте частного человека вырастает гигантская фигура праведника: «Опубликуйте, если вы не трусы»; «Это опять не напечатаете? Потому что СТРАШНО?» Писать стихи для того, чтобы ощутить себя воплощением этой фигуры, не обязательно, однако другие способы требуют дискурсивного мастерства, в то время как поэтическая форма вопросы о мастерстве, как ни парадоксально, снимает.

В статье «Истина и этика» Н. Д. Арутюнова, анализируя концепты правды и истины, говорила о том, как представление о правде расходилось с представлениями о суде и совести по мере того как несовершенный и несправедливый человеческий суд противопоставлялся суду Божьему [1; 7–23]. В письмах перестроечного времени концепты правды, суда и справедливости снова сошлись воедино (в сопровождении «вины», «кары», «преступления», «жертв и преступников»), так как речь идет о суде истории. Авторы «наивных» стихов не столько сознательно работают с этими концептами, сколько воплощают их и обретают над ними условную власть с помощью фигуры поэта, возможности которой примеряются на себя.

Итак, поэтическое в «наивных» текстах представлено как набор готовых клише советского и перестроечного дискурсов в совокупности с рифмовкой, которая придает дополнительную «правоту», безусловность сказанному. Отметим амбивалентность применения советской риторики: одни и те же выра-

жения могут использоваться как для поддержки идеи Перестройки, так и для ее опровержения. Можно, как нам кажется, говорить об адаптивном характере советской риторики в «наивных» текстах: воспроизведение успокаивает, подстановка «Перестройки, ускорения, гласности» в готовый набор общих мест создает ощущение неприкосновенности советского («не хочу, чтоб забыли про Маресьева ноги, про военные были, фронтовые дороги»).

Обнажается глубинный религиозный костяк советской риторики – в «наивных» стихах массово представлены образы потерянного рая, грехопадения, ада, страшного суда, воскресения мертвых, апокалипсиса. Эти образы вызывают к жизни концепты правды, справедливости и суда: «Зовя живых, чтоб мертвые воскресли, Земля, как будто колокол, гудит».

Интересна участь фольклорного начала в перестроечных «наивных» стихах. С уверенностью говорить о фольклорности, например, частушек, присланных деревенской жительницей в редакцию «Правды Бурятии», сложно, вопрос об имитации остается открытым: частушка идеологична, риторична – однако является ли это имитацией? Константин Богданов проблематизирует границу между фольклором и фальшлором (фэйклором) [2], и в данном случае мы сталкиваемся с тем же вопросом. Так или иначе, элементов (вкраплений), а тем более текстов, связанных с фольклором, в архиве немного, и наличие этих вкраплений выходит за рамки интересующих нас стихотворных текстов. Присутствуют частушки, переделанный текст «Интернационала», лишенный авторства (текст вводится указанием на то, что так пел дядя автора письма), притча (в письме названная легендой) о мужике из Ростова (мужик, который сражался с бандитами, отрезавшими ему руку, и сумевший победить их одной рукой, символизирует Россию в Великой Отечественной войне). Во всех этих случаях к фольклорным сюжетам прибегают индивидуально, фольклорные жанры идут в сцепке с личной историей («мне рассказывали», «мой дядя пел»), так что не выполняют запроса на обобщение, персонификацию правды. Некоторые образы интересующих нас «наивных» поэтических текстов также имеют фольклорную «подкладку». Явно архаичен и имеет фольклорные корни образ дерева, растущего из могилы безвинно убитого, фольклорен один из разворотов темы несмыаемой вины (начав с темы исторической вины и нравственности, автор постепенно превращает текст в балладу об убийстве невинной девочки в чистом поле) и образ горя как преследователя.

Итогом работы с «наивными» стихами в архивных текстах эпохи Перестройки можно считать следующие выводы:

1. «Наивные» стихи перестроечного времени писались в первую очередь ради стоящего за ними образа праведника-поэта. Писать стихи, считают авторы, может помешать не отсутствие таланта (концепт «таланта» никак себя в данном материале не проявляет), а «ложь и страх».

2. Концепты правды, суда и справедливости в перестроечных дискуссиях слились воедино, вызвав к жизни разные способы работы с ними. В «наивных» стихах таким способом является примерка на себя риторической фигуры праведника, которая дает возможность говорить со значимыми фигурами на равных, выходить в «большое» время и пространство и становиться не объектом правды, а ее субъектом, не объектом власти, а ее субъектом.

3. Советская риторика, служащая строительным материалом для «наивных» стихов, амбивалентна – может использоваться как в контекстах «за», так и «против», и в массовом сознании способна выполнять смягчающую, адаптивную функцию, консервируя в рамках текста то, что человек принимает как общие ценности. Она легко монтируется с религиозными образами: дискредитация концепта «светлого будущего» освобождает место «апокалипсису» и «страшному суду».

4. В «наивных» поэтических текстах архива ни разу не произошло эксплицитного соединения личной истории с поэтической формой высказывания. «Факты» и «аргументы» отделены друг от друга, и если взаимовключение публицистического высказывания и воспоминаний, свидетельств о личной истории, истории рода или локуса возможно и даже неизбежно, то с «наивной» поэзией такого не происходит: в ее контексте частное стерто глобальным.

1. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в языке. – М., 1995. – 208 с.

2. Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры / К. А. Богданов. – М., 2009. – 368 с.

3. Боярских Е. Г. «Меня родило перестроечное время»: судьба и эпоха в дневниковых записях 1986–1992 гг. // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование : Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Иркут. гос. ун-та и фак. филологии и журналистики : материалы. – Иркутск, 2009. – С. 624–632.

4. Сандомирская И. «Наивное письмо» пятнадцать лет спустя, или На смерть соавтора [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 82. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2075>.

Poetics of Deconstruction of an Ideal: the Truth and Righteousness in «Naive» Poetic Texts of Perestroika

E. G. Boyarskikh

Center for Independent Social Research and Education, Irkutsk

The article represents the analysis of the reader's letters addressed to the newspapers and magazines in the late 1980s – early 1990s. During Perestroika «naive poetry» written by nonprofessionals was demanded as a way of construction of «common truth» and reevaluation of the Soviet history. In «naive» verses authors often try on the image of a righteous person who speaks as an equal with authoritative and significant figures, becoming the subject of verity, power and righteousness.

Key words: *Perestroika*, discourse, naive writing, naive poetry, Soviet rhetoric.

Боярских Екатерина Геннадьевна – научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, 664011, г. Иркутск, ул. Ленина, 6а, тел. 8(3952)3337221, e-mail: boarskih@mail.ru

Boyarskikh Ekaterina Gennadievna – Researcher of the Center for Independent Social Research and Education, 664011, Irkutsk, Lenin St., 6a, phone 8(3952)333721, e-mail: boarskih@mail.ru